

ЕРМОЛАЕВА Л. С., САБАНЕЕВА М. К.

К ПРОБЛЕМЕ МОРФОСИНТАКСИСА

Памяти Татьяны Викторовны Строевой

В связи с изучением «механизмов» языковых изменений проблема взаимодействия уровней языковой системы все более привлекает внимание лингвистов, ибо ныне уже вряд ли покажутся убедительными попытки объяснить те или иные изменения причинами «внутриуровневого» характера. В частности, изменения в морфологии все чаще связываются с явлениями синтаксиса, понимание же «механизмов» морфологических изменений становится возможным в результате изучения функционирования морфологических единиц в определенных синтаксических конструкциях при условии, что языковая система рассматривается не изолированно от речевой деятельности, а в тесной взаимосвязи с нею [1, с. 24—39]. При изучении эволюции морфологической системы становится очевидной необходимость выделения области морфосинтаксиса, в некоторой степени аналогичной области морфонологии.

Широко известны попытки использования в грамматических исследованиях понятий теории фонологических оппозиций (различные точки зрения по этому вопросу см., например [2—12]; попытку провести параллель между морфонологией и морфосинтаксисом см. в [12]). Придерживаясь щербовского понимания фонемы, мы попытаемся в данной статье подойти к проблемам морфосинтаксиса с учетом основных положений фонологической школы Л. В. Щербы.

В соответствии с тем, что в морфонологии рассматривается фонологическое варьирование морфемы в зависимости от комбинаторных и/или позиционных условий, к области морфосинтаксиса, видимо, следует отнести синтаксически обусловленное, а также «сопроводительное» употребление некоторых морфологических форм. В обоих случаях встает вопрос о наличии семантики у морфологических форм, особенно если они не встречаются в «свободном» (т. е. не обусловленном синтаксически) употреблении. Рассмотрим эти вопросы на материале категории наклонения в немецком и французском языках (синтаксическая обусловленность употребления некоторых форм наклонений характерна для большинства современных языков). Отметим при этом, что случаи подобного употребления наклонений уже подвергались рассмотрению при описании эволюции системы наклонений и что семантический подход к грамматическим явлениям всегда способствовал выявлению «механизмов» происходящих изменений. В этой связи необходимо отметить прежде всего исследование Т. В. Строевой [13], в котором содержится критика точки зрения, утверждающей отсутствие семантической нагруженности глагольной формы в косвенной речи, ее асемантичность. Связь глагольной формы со смыслом в косвенной речи убедительно показана, в частности, на таких примерах, как нем. *Er sucht nach Verlängerung seines Urlaubs nach, weil er sich zu schwach fühlt* «Он просит о продлении отпуска, потому что чувствует себя плохо» (объективная причина) и *Er sucht nach Verlängerung seines Urlaubs nach, weil er sich zu schwach fühle* «Он просит о продлении отпуска, говоря, что чувствует себя плохо» (причина, сообщаемая с чужих слов), где форма глагола является единственным средством выражения чужой речи [13, с. 4]. Однако данная форма прошла в своем развитии через некоторый переходный этап, для которого трудно однозначно определить ее системный статус. В недрах старого значения

(«нереальное, сомнительное, принадлежащее отдаленной от говорящего сфере») [13, с. 28] постепенно накапливается новое качество, значение «чего-то не „моего“, за что я, следовательно, отвечать не могу, и, с другой стороны, чего-то личного, принадлежащего узкой сфере говорящего» [13, с. 28], что и является характернейшим моментом для средневерхненемецкого периода, в течение которого старое значение также постепенно отмирает. Смена одного значения другим становится возможной благодаря тому, что словоформа включается в определенную синтаксическую структуру [13, с. 28]¹.

Описанный Т. В. Строевой процесс семантического перерождения формы наклонения представляет собой один из типичных случаев в цепи семантических изменений в системе наклонений, имевших место в германских, латинских и романских языках. Перестройка системы наклонений, протекающая во многих современных языках с разной степенью интенсивности [14, 15], дает возможность сравнить различные языки между собой и отметить при этом общность «механизмов» семантических изменений независимо от их конкретной направленности. В соответствии с целью данной статьи мы попытаемся рассмотреть здесь некоторые спорные вопросы, касающиеся категории наклонения, которые, как нам представляется, могут быть предметом изучения морфосинтаксиса.

1. Об «отраженном» значении императива. Здесь мы не будем касаться вопроса о том, следует ли рассматривать императив в современных немецком и французском языках как самостоятельное наклонение [14] или же признать за противопоставлением «индикатив — императив» статус особой морфологической категории, подчиненной категории наклонения [15]. В данном случае нас интересует соотношение семантики императива с семантикой той синтаксической структуры, составной частью которой он является.

Если можно было бы согласиться с А. Мартине в том, что «значение налицо лишь там, где у говорящего имеется выбор» [6, с. 104], то пришлось бы признать, например, что императив в современном немецком языке асемантический, поскольку он закреплен за определенной синтаксической структурой, выражающей побуждение (односоставное предложение с глаголом в императиве на первом месте): *Komm zu mir!* «Подойди ко мне!», *Geh(e) schneller* «Иди быстрее!». Утверждение А. Мартине представляется, однако, неубедительным. Здесь важно учитывать, что данная синтаксическая конструкция создается, наряду с другими средствами, повелительной формой глагола и без нее не может быть образована. Замена императива на индикатив в немецком языке приводит чаще всего к разрушению смысла [16, с. 13—14]. В соответствии с тезисом об автономности уровней языковой системы мы считаем, что форма императива занимает свое место в парадигме глагола (на морфологическом уровне).

В данном случае уместно отметить следующую аналогию с фонемами: фонологично не только то, что при замене дает иное значение, но и то, что в тех же условиях ведет к разрушению значения [17, с. 42]. Представляется оправданным и проведение аналогии между фонетическим и морфологическим уровнями в плане возможности отношений дополнительной дистрибуции между отдельными фонемами [17, с. 72] или, соответственно, словоформами (индикатив/императив).

В отношении же синтаксической структуры, включающей, наряду с собственно синтаксическими средствами, также и средства словоизменения, представляется целесообразным использование понятия сложного маркера, подобно тому как сложный маркер словоформы может включать в себя и внутреннюю флексию, [18]. Как и в случаях с внутренней флексией, подчиненная роль которой по отношению к собственно морфологическим средствам не дает оснований для признания ее асемантической

¹ Сходное явление наблюдается в латинском языке. В придаточных причинах индикатив выражал причинно-следственную связь, устанавливаемую говорящим, в то время как конъюнктив означал, что субъект речи отстраняется от данного утверждения: *Gaudet quod frater venit (venisset)* «Он радуется, потому что брат пришел» и: «Он радуется, потому что брат якобы пришел».

[19, с. 7; 20, с. 198—199], подчиненная роль морфологических средств по отношению к синтаксическим не дает оснований для признания этих морфологических средств асемантическими. Их семантика, однако, синтагматически связана, носит «отраженный» характер, что может оказаться на дальнейшей судьбе этих форм [15, с. 21—25]. В случаях, когда в письменной речи не представлены синтаксические показатели побудительной структуры, императив оказывается единственным средством выражения побуждения: *Ich will ihn überhaupt holen. Oder h o l du ihn, Jose!* (B. Brecht, Die Gewehre der Frau Carrar). «Я его позову. Или позови его ты, Хосе!», *Holt rief: «Gilbert, nun sorg du dich endlich mal für Ruhe!»* (D. Noll. Die Abenteuer des Werner Holt) «Холт воскликнул: „Гильберт, да позаботься же ты, наконец, о тишине!“» [16, с. 14]. (Ср. аналогичную роль фонемных чередований при опущении падежных окончаний [17, с. 61].)

2. Трактовка противопоставления «индикатив — комментатив»² в современном немецком языке. Противопоставление «индикатив — комментатив» восходит к древнегерманскому противопоставлению «индикатив — оптатив»³, засвидетельствованному в готском. Сложившийся в результате семантического перерождения оптатива (процесса, в основных своих чертах аналогичного тому, который имел место во французском языке), субъюнктив противостоял в древневерхнемецком индикативу по признаку «неэвидентности (неочевидности) — эвидентности (очевидности)» [15, с. 14] и употреблялся, в основном, в придаточных предложениях. В средневерхнемецком период этот структурный признак субъюнктива становится как бы его основной характеристикой и противопоставление «индикатив — субъюнктив» утрачивает модальный характер. Но не этот процесс сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе субъюнктива. Характернейшим моментом для средневерхнемецкого языка, как показано в докторской диссертации Т. В. Строевой, является «процесс выработки нового качества — выражения субъективности чужого высказывания» [13, с. 28], т. е. процесс семантического перерождения субъюнктива в комментатив как морфологический показатель пересказывательности.

Предметом споров среди лингвистов является также статус комментатива в современном немецком языке. Здесь мы, как и в отношении императива, не будем касаться вопроса о том, следует ли рассматривать комментатив как самостоятельное наклонение или же признать за противопоставлением «индикатив — комментатив» статус особой морфологической категории, подчиненной категории наклонения [15]. Нас интересуют здесь те особенности данного противопоставления, которые вытекают из факта его существования на фоне широко представленных лексико-синтаксических средств оформления пересказывательности (вводящие глаголы или существительные, союзы, порядок слов и проч.). По-видимому, здесь, как и в случае с немецким императивом, можно говорить о сложном синтаксическом маркере пересказывательности и об «отраженном» характере значения комментатива. Однако, в отличие от побудительных структур с императивом, здесь мы не имеем столь устойчивой модели: наблюдается вариативность модели как в отношении вводящего элемента, так и в оформлении придаточного предложения, которое, более того, не является обязательным признаком косвенной речи, часто оформляемой и независимыми предложениями. Вариативность данной синтаксической модели создается, в частности, благодаря чередованию форм комментатива и индикатива.

Причинами такой вариативности, по-видимому, можно считать относительно позднее становление как синтаксической модели в целом, так и

² Под комментативом понимаются формы, называемые в современных немецких грамматиках конъюнктивом I и служащие для выражения пересказывательности (комментативности). Впервые эти формы были выделены Т. В. Строевой под названием «наклонение суждения» [13, с. 37]. Термин «комментатив», заимствованный нами из балканистики [21, 22], представляется более удачным, чем «субъюнктив косвенной речи» [15].

³ Под оптативом понимается форма, традиционно именуемая презенсом оптатива и противостоящая по модальному признаку ирреалису («претериту оптатива») [15].

соответствующего значения глагольной формы, выполнявшей ранее иные функции. Стабилизации этой модели в последнее время, несомненно, препятствует влияние синтаксиса разговорного языка, в связи с чем вопрос о косвенной речи в современном немецком языке оказывается проблемой столь же грамматической, сколь и стилистической [13, с. 32].

Возможность чередования форм индикатива и комментатива в синтаксической конструкции со значением пересказывательности иногда трактуется как доказательство отсутствия оппозитивного отношения между этими формами, рассматриваемыми как варианты [16]. Однако факты эволюции значения данной формы говорят о другом. Подобно тому, как доказательством связи фонемы со смыслом могут быть факты аналогического распространения фонемных чередований [19, с. 7], так и распространение комментатива на всю область чужого сообщения вообще (в том числе и достоверного, а не только ложного), «освобождение» его от некоторых других функций [13, с. 30—31], унаследованных от оптиматива и субъюнктивa, может служить доказательством его семантичности.

Следовательно, комментатив и индикатив связаны в системе языка оппозитивным отношением. Весьма существенно при этом, что содержание оппозиции «индикатив — комментатив» отлично от содержания тех оппозиций, на базе которых она сложилась («индикатив — оптиматив», «индикатив — субъюнктив»). Следует согласиться с Т. В. Строевой в том, что какие бы то ни было попытки интерпретировать данную категорию сквозь призму прежней ее семантики свидетельствуют об антиисторичности в подходе к грамматическому явлению [15, с. 4—5]. Совершенно очевидно, что содержание нового грамматического явления, будучи установленным в общих своих чертах, может быть уточнено в последующих исследованиях. Поэтому поиски собственной сферы употребления комментатива продолжаются [23].

Возникает вопрос: поскольку замена комментатива индикативом в косвенной речи чаще всего не приводит к изменению смысла высказывания, не имеет ли здесь места явление «нейтрализации», заключающееся в том, что «в контексте, определенном в терминах единиц, наделенных смыслом, сигнификативная функция оппозиции более не должна осуществляться»? [6, с. 100—101]. Нам представляется, что в отношении комментатива или же чередующегося с ним индикатива необходимо говорить не просто о к о н т е к с т е, а об определенной синтаксической структуре, включающей данную словоформу и выражающей пересказывательность. Думается, что в этом случае к грамматике полностью применимо высказывание И. А. Бодуэна де Куртэна, касающееся альтернатив в немецких словоформах *geb-en/gab*: «Строго говоря, во всех подобных случаях альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами» [24, с. 273].

Поэтому чередование комментатива и индикатива в косвенной речи не может быть правильно интерпретировано без учета всей синтаксической структуры, членом которой является и комментатив. Как уже отмечалось выше, здесь целесообразно говорить не о вариативности формы глагола, а о вариативности соответствующей синтаксической структуры (причем, в плане языка, а не речи) путем чередования глагольных словоформ.

Наблюдения над немецкими императивом и субъюнктивом (> комментативом) дают возможность высказать некоторые соображения относительно распространенных в лингвистике понятий нейтрализации и асемантичности морфологических единиц (ср., например, статью А. Мартине [6]). Исходя из тезиса об автономности морфологического уровня и словоформ как единиц этого уровня, мы считаем, что к словоформе, как и к фонеме [25, с. 216—217], неприменимы понятия нейтрализации, архиформы, а следовательно, и асемантичности. В случаях синтаксической связанности, предсказуемости или синтаксически обусловленной синонимии форм наклонений мы предпочитаем говорить об ограниченной дистрибуции словоформы (императив) или, соответственно, о факультативном варьировании синтаксической структуры и историческом чередовании в ней слово-

форм (комментатив — индикатив), т. е. предлагаем трактовку названных выше явлений в терминах морфосинтаксиса.

С этих позиций мы попытаемся объяснить и некоторые особенности функционирования французского субъюнктива, исключительная сложность которого состоит уже в том, что здесь одна и та же форма в одних случаях проявляет ограниченность дистрибуции, в других — вступает в чередование с индикативом, вызывая факультативное варьирование синтаксической структуры. Кроме того, поскольку формы наклонений способны семантически перерождаться и образовывать новые морфологические категории, в их развитии может наступить момент, когда они, утрачивая свое модальное значение, начинают приобретать новое, немодальное, значение, складывающееся под влиянием семантики соответствующей синтаксической структуры (ср. перерождение немецкого субъюнктива в комментатив).

Нечто подобное происходит в современном французском языке с субъюнктивом. Трудности, возникающие при попытке охарактеризовать однозначно его семантику, носят объективный характер и обусловлены наличием переходного момента в его развитии. Абсолютно резкие же разграничительные линии, как отмечает Ф. Энгельс в «Диалектике природы», не существуют с теорией развития [26]. Далее, здесь уместно привести слова Л. В. Щербы: «Формами следует, между прочим, почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых непременная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении. Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в «грамматике» и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготавливаются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» [27]. Думается, все это имеет прямое отношение к трактовке французского субъюнктива, тем более, что его «поведение» в современном языке в значительной степени напоминает развитие немецкого субъюнктива в средневерхне-немецкий период. Исходя из этого, мы и предпослали анализу французского субъюнктива материал из истории немецкого языка.

3. Противопоставление субъюнктив — индикатив в современном французском языке. В синтаксической структуре сложного предложения наклонение, находясь в придаточном, обычно существенно отделяется в содержательном плане от семантики, присущей ему в независимом предложении. Так, например, в предложении *il est content que vous soyez venu* субъюнктив в придаточном предложении выражает действие, являющееся объектом эмоционально-логической оценки в главном предложении. Подобная семантика отсутствует у субъюнктива в независимом предложении⁴.

Показательно, кроме того, что употребленная здесь форма субъюнктива, именуемая *subjonctif passé*, вообще не может составить самостоятельного высказывания. Если превратить придаточное предложение в независимое, то оно оказалось бы аграмматичным. Предложение **Vous soyez venu* бессмысленно. В устах носителя языка подобное предложение невозможно, в устной или письменной речи учащегося оно шокировало бы как грубейшая ошибка. Предложение **Vous soyez venu* не дает информации о том, как представляет себе говорящий связь действия с действительностью, потому что субъюнктив здесь амодален; он не накладывает на предложение «визы» говорящего, необходимой для координации объекта и субъекта отражения и для выхода в коммуникацию.

Между субъюнктивом в дополнительном придаточном и субъюнктивом волеизъявления, ограниченным формой презенса в 3-м лице, также нель-

⁴ Вслед за В. З. Панфиловым [28] и др. мы не относим значения эмоционально-логической оценки действия к модальным. Поэтому значение субъюнктива в данном случае не является модальным, т. е. он противопоставит индикативу по немодальному признаку.

ва ставить знак равенства. Предложение *Qu'il sorte* является призывом к действию, рассчитанным на прагматический эффект. Между тем предложение *Je veux qu'il sorte* не обязательно является непосредственным побуждением к действию, не рассчитано на неперемное исполнение. Функционирование субъюнктива при этом различается по намерению и результатам высказывания, обладает разными семантическими и прагматическими свойствами. При любом не-первом лице волитивного глагола, при любой форме, кроме презенса, семантика субъюнктива в придаточном предложении не выражает модальной оценки действия субъектом высказывания, обязательной для самостоятельного предложения.

Различие в содержании наклонения в зависимости от вхождения его в ту или иную структуру представляет собой проявление, во-первых, полифункциональности языковых единиц как их наиболее обычного свойства [29, 30], во-вторых, сложного разноуровневого взаимодействия морфологии и синтаксиса, приводящего к становлению сложного синтаксического маркера.

Большая или меньшая степень семантического перерождения наклонения, в частности, субъюнктива в придаточном предложении, степень сохранности или отсутствия у него модального значения в зависимости от характера придаточного, от семантики подчиняющего компонента могут составить тему отдельной работы⁵. В настоящей статье целесообразно ограничиться лишь некоторыми типами функционирования субъюнктива в придаточном предложении с точки зрения его синтагматической связанности со структурой сложного предложения.

Во многих типах придаточных предложений употребление субъюнктива строго связано синтагматически, причем субъюнктив оказывается безразличным к тому, нереально или реально с точки зрения говорящего обозначаемое действие. Так обстоит, например, дело с придаточными дополнительными, зависящими от главного, содержащего оценку, с придаточными уступительными, с придаточными, выражающими простое предшествование действия главного предложения или предшествование с пределом длительности. Например: «Lorsque Bernard était rentré, il avait admiré qu'elle fût grave, comme une personne qui a beaucoup réfléchi» (Fr. Mauriac. Thérèse Desqueux) «Когда Бернар вернулся, он восхитился тем, что она была серьезна, как человек, который много размышлял». Здесь субъюнктивом обозначено вполне реальное состояние. Аналогично в следующем примере: «Dans combien de métairies avais — je assiasté à ce drame du vieux qui, pendant longtemps, refuse de lâcher son bien, puis se laisse enjôler, jusqu'à ce que ses enfants le fassent mourir de travail et de faim» (Fr. Mauriac. Le noeud de vipères). «Как многочисленны те фермы, где я присутствовал при драме старика, который долгое время не хочет выпустить свое имущество, а потом дает себя уговорить, пока дети не уморят его работой и голодом!». Во всех приведенных примерах с различными придаточными субъюнктивом выражено вполне реальное действие с точки зрения говорящего. Таким образом, в данных придаточных синтаксически жестко связанный субъюнктив амодален. Но он включен в семантику более высокого уровня, а именно в семантику всей синтаксической структуры. В подобных типах придаточных субъюнктив является вторичным признаком зависимости придаточного предложения от главного, т. е. обладает дефектной дистрибуцией, как, например, фонемы /b, g, d/ в английском языке, не встречающиеся после *s* в начале слова [32, с. 104].

Существенно, что в некоторых случаях (например, в дополнительных придаточных, зависящих от главного, содержащего оценку) в просторечии возможен индикатив, причем значение структуры остается неизменным. Между тем в литературном французском языке обязателен субъюнктив. Следовательно, здесь имеет место вариативность синтаксической модели в зависимости от социальной стратификации языка.

Французский субъюнктив в амодальной функции явился результатом семантического перерождения наклонения, выразившего в своей первич-

⁵ Специфика модальной семантики субъюнктива в некоторых типах относительных придаточных современного французского языка рассматривается, например, в [31].

ной и доминирующей функции волеизъявление. Этот процесс восходит к латинскому языку. Решающим фактором оказалось включение косвенного наклонения с модальным содержанием в парадигму сложноподчиненного предложения. Такое семантическое перерождение легко проиллюстрировать на материале дополнительных придаточных предложений.

Латинский конъюнктив наиболее близок к своей доминирующей функции волеизъявления в дополнительных придаточных, зависящих от главного предложения с волитивным глаголом в 1-м лице ед. числа, находящимся в постпозиции к придаточному: *Veniat volo* «Пусть придет, хочу». Волитивный глагол присоединяется к конъюнктиву волеизъявления, придавая высказыванию большую эфатичность. При постпозиции волитивного глагола его содержание раскрывается в предшествующем фрагменте речевой цепи. Смысловые и синтаксические связи частей сложного предложения, формирующиеся на базе присоединения, довольно свободны. Препозиция волитивного глагола благоприятствует укреплению связей между данным глаголом и конъюнктивом в первичной функции волеизъявления, поскольку содержание волитивного глагола нуждается в последующем раскрытии: *Volo veniat* «Хочу, чтобы он пришел». В предложениях типа *Veniat volo* и *Volo veniat* модальное содержание конъюктива лишь несколько слабее, чем в самостоятельном предложении, поскольку волитивный глагол способствует выражению того же смысла, что и конъюнктив. Устранение волитивного глагола не помешало бы предложению с конъюнктивом выполнить свое назначение: передавать волеизъявление субъекта речи, т. е. указывать на способ связи не констатируемого в реальности действия с действительностью в сознании говорящего.

Внутри модели сложного предложения глагол главной части подвержен парадигматическому изменению по лицам и временам. Это приводит к отрыву содержания наклонения в придаточном от представления субъекта речи. Предложения типа *Vult veniat* «Он хочет, чтобы тот пришел» или *Volebam venires* «Я хотел, чтобы ты пришел» не соотносят действия в форме конъюктива с представлением говорящего в момент речи. В подобных случаях ни один из компонентов сложного предложения не может функционировать самостоятельно без принципиального изменения смысла. Если волитивный глагол главного предложения находится не в первом лице настоящего времени, конъюнктив в придаточном не передает позицию субъекта речи, т. е. становится фактически амодальным.

Распространение конъюктива в придаточных предложениях в латинском языке обусловлено сходством структурно-семантических моделей сложного предложения. При этом конъюнктив подчиняется системным связям, объединяющим в парадигматические (ассоциативные) ряды различные типы придаточных предложений. Так, например, в основе употребления конъюктива в придаточных цели лежит смысловая близость соответствующих сложных предложений с предложениями, содержащими волеизъявление: в обоих случаях действие придаточного является искомым для субъекта главного предложения. Различие же состоит в том, что в придаточном цели искомое действие зависит от действия, направленного на реализацию желаемого, а в придаточном дополнительном — от воли субъекта главного предложения.

В составе придаточных предложений удаление конъюктива от первичной модальной функции происходит путем своего рода цепной реакции аналогических обобщений сложных синтаксических моделей, иными словами, в результате давления системы. Эти аналогические обобщения, основанные на содержательном сходстве тех или иных типов сложноподчиненных предложений, явились языковым отражением психологического процесса ассоциаций.

Таким образом, важнейшим фактором, способствовавшим появлению и расширению амодальных функций у конъюктива и, далее, у субъюктива, было воздействие структуры сложного предложения.

Помимо этого системно-языкового фактора играл роль, по-видимому, коммуникативно-речевой фактор, влиянием которого объясняется, например, постепенное обобщение латинского конъюктива во всех придаточных

с союзом предшествования *antequam* «прежде чем» и обобщение французского субьюнктива в придаточных с союзом предела длительности *jusqu'à ce que* «до тех пор пока». Изначально и в том, и в другом случае конъюнктив и субьюнктив употреблялись только, если действие придаточного представлялось нереальным. Очевидно, с течением времени возникла устойчивая синтагматическая связь между определенным подчинительным союзом и наклонением в придаточном.

Изменение в восприятии конъюнктива и субьюнктива, представление о них не как о формах, выбираемых говорящим из парадигмы в соответствии с потребностью мысли, а как о форме, синтагматически сцепленной с другой формой (в данном случае с союзом) на уровне речи, отражают переосмысление наклонений с позиции декодирующего. В. Н. Волошинов обращал внимание на активный характер восприятия чужой речи, а Л. П. Якубинский подчеркивал настроенность декодирующего на определенное восприятие высказывания [33, 34]. Понимание чужой речи определяется не только внешними раздражителями, но также опытом и настроенностью психики декодирующего. Нередко мы воспринимаем чужой акт речи неправильно или с какой-нибудь долей искажения в зависимости от настроенности нашего сознания. Психолингвистикой установлено, что в процессе восприятия речи психика индивида отбирает нужную информацию и ставит препятствие тому, что не представляется необходимым [35, 36].

При отражении высказывания в сознании адресата речи синтагматическая связь конъюнктива — субьюнктива (с союзом) в линейной последовательности заслоняют его первичное парадигматическое содержание. Подобное переосмысление конъюнктива — субьюнктива является изначально своего рода недоразумением. Вследствие этого оттенки значения, передаваемые конъюнктивом после латинского союза *antequam* и субьюнктивом после французского союза *jusqu'à ce que*, стерлись. Конъюнктив и субьюнктив прочно закрепились в данных сочетаниях, а индикатив стал здесь невозможен. Таким образом, конъюнктив и субьюнктив превратились в амодальную форму, синтагматически «привязанную» к определенным союзам, являющуюся вторичным признаком зависимости придаточного предложения от главного, т. е. обладающую дефектной дистрибуцией.

Подведем некоторые итоги. Существует целый ряд грамматических явлений, которые не могут быть интерпретированы лишь в рамках морфологии или лишь в рамках синтаксиса, в связи с чем становится очевидной необходимость выделения области морфосинтаксиса, в некоторой степени аналогичной области морфонологии. Не прибегая к понятиям морфосинтаксиса, невозможно объяснить такие изменения в морфологической системе языка, как, например, эволюция системы наклонений. Наличие в разных языках случаев синтаксически вынужденного, а также «сопроводительного» употребления некоторых морфологических форм свидетельствует об известном параллелизме между морфонологией и морфосинтаксисом. Однако если в морфонологии «вынужденность» и «сопроводительность» — одно и то же, то в морфосинтаксисе следует разграничить: 1) синтаксически «вынужденное» употребление словоформ (например, императив в современном немецком языке), 2) сопроводительное, но не обязательное употребление словоформ (например, комментатив в современном немецком языке). В обоих случаях словоформы обладают «отраженным» значением. В первом случае имеет место лишь ограниченность синтаксической дистрибуции словоформ, не связанная с вариативностью соответствующей синтаксической структуры путем чередования словоформ. Во втором случае наблюдается историческое чередование словоформ в рамках определенной синтаксической структуры. Если в морфонологии внутренняя флексия всегда создается путем чередования фонем, то в морфосинтаксисе чередование словоформ имеет место лишь во втором из отмеченных здесь случаев (сопроводительное, но не предсказуемое употребление словоформ).

Особый интерес представляет собой соотношение «живых» и исторических чередований словоформ. Если фонема и морфема допускают как обязательное, так и факультативное варьирование, то в отношении словофор-

мы и синтаксической структуры в основном справедливо замечание, что в плане выражения эти единицы допускают лишь факультативное варьирование [37, с. 20]. Независимо от этого они подвержены обязательному варьированию в плане содержания (уточнение категориального значения в контексте, аналогичное чередованию аллофонов: ср., например, различные оттенки словоформы настоящего времени глагола или же способность подлежащего выражать как субъект, так и объект действия в соответствии с залоговой формой глагола-сказуемого). По-видимому, факультативное варьирование синтаксической структуры может осуществляться лишь с опорой на исторические (но не живые) чередования. Вероятно, чередования фонем могут иметь своим аналогом в морфосинтаксисе лишь те случаи, когда употребление той или иной словоформы обусловлено морфологическим контекстом (ср., например, явление согласования времен или наклонений [38]). В таком случае следует признать возможность обязательного варьирования синтаксической структуры в плане выражения при невозможности ее варьирования в плане содержания в силу синтагматической связанности значения «согласуемой» формы. Если структура допускает лишь факультативное варьирование [37, с. 20], чередования словоформ являются незначущими в плане семантики соответствующей синтаксической структуры (ср. чередование индикатива и комментатива в синтаксической конструкции со значением пересказывательности).

Асемантический характер чередований не означает, однако, асемантичности чередующихся единиц в системе языка [20], будь то чередование фонем или словоформ. Если же замена одной словоформы другой приводит к изменению смысла синтаксической модели, включающей данную словоформу, то в этом случае не приходится говорить о вариативности синтаксической модели: наличие нетождественные синтаксические модели, различающиеся как в плане содержания, так и в плане выражения. Ср.: *Отец любит (сына)/(Сын) любит отца*.

Очевидно, и для исторических чередований словоформ существуют две возможности дальнейшего развития, сформулированные Бодуэном де Куртеном в отношении традиционных фонетических альтернатив [24, с. 313]: либо возникновение коррелятивного значения в традиционной альтернативе (ср. развитие оппозиции «индикатив-комментатив» в немецком языке [38]), либо выравнивание (униформизация).

Очевидно также, что лишь обращение к языковому поведению носителя языка, изучение особенностей восприятия, разрешающих большую вариативность речи как на звуковом, так и на других уровнях, способны пролить свет на происходящие сдвиги в системе и структуре языка [39]. Развитие синтаксических средств выражения того или иного значения, первоначально выступающих в тесном «сотрудничестве» с морфологическими (своего рода «избыточность»), может привести либо к постепенному переосмыслению прежнего значения морфологической формы, либо к ее постепенному отмиранию. И то и другое становится возможным благодаря опоре при речевосприятии на единицы более высокого ранга [25, с. 202—213]. Если значение словоформы предсказуемо контекстом, то это свидетельствует не об асемантичности данной словоформы, а об «отраженном» характере ее значения, которое сохраняется до тех пор, пока данная форма не утратит своих признаков в плане выражения (и, следовательно, не исчезнет вообще) либо не наполнится новым содержанием, независимым от контекста. Иными словами, морфосинтаксис, который, подобно морфонологии, не представляет собой самостоятельного уровня [25, с. 247], может быть выделен постольку, поскольку он «управляет» процессами становления и отмирания морфологических оппозиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.
2. La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique. — In: Travaux de l'Institut de linguistique de Paris, 1957, 2.
3. Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
4. Кржижкова К. Понятие нейтрализации в морфологии. — В кн.: Языкознание в Чехословакии. М., 1978.

5. Зиндер Л. Р. О противопоставлениях в системе языка.— Вестник ЛГУ, серия «Язык, литература, история», 1962, вып. 4.
6. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм.— ВЯ, 1969, № 2.
7. Мухин А. М. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы.— ВЯ, 1962, № 5.
8. Буагизина Т. В. Грамматические оппозиции.— В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
9. Шендсаль Е. Н. О типологии грамматических оппозиций.— В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974.
10. Бузаров В. В., Бузарова М. Д. О нейтрализации на синтаксическом уровне.— ВЯ, 1984, № 4.
11. Буаанин Л. Л., Князев Ю. П. Нейтрализация и привативность морфологических оппозиций.— Вестник ЛГУ, 1977, № 2, вып. 1.
12. Сайников В. Э. О чередованиях в синтаксисе (К проблеме ситоморфологии). М., 1980.
13. Строева Т. В. Модальность косвенной речи в немецком языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1951.
14. Сабанеева М. К. Проблемы развития наклонений (от латинского языка к современному французскому): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1981.
15. Ермолаева Л. С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1978.
16. Воакова Л. Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (Парадигма реализа): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1978.
17. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.
18. Гужман М. М. Типология преобразований словоизменительной парадигматики.— В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977, с. 87.
19. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983.
20. Маслов Ю. С. О типологии чередований.— В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.
21. Fiedler W. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen.— In: Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Sofia, 1968.
22. Сытов А. П. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия.— В кн.: Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
23. Дронова Н. П. Несобственно-косвенная речь в немецком языке (На материале источников XVI—XX вв.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Калинин, 1975.
24. Водуэн де Куртэнз Н. А. Опыт теории фонетических альтернатив.— В кн.: Водуэн де Куртэнз Н. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963.
25. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
26. Энгельс Ф. Диалектика природы.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 527.
27. Щерба Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужичских наблюдений.— В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958, с. 35—36.
28. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения.— ВЯ, 1977, № 4, с. 48.
29. Гак В. Г. О грамматическом значении и его объяснении.— ИЯШ, 1974, № 6.
30. Гак В. Г. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений.— Ин. яз. в высшей школе, 1974, вып. 8.
31. Сабанеева М. К. Об одной функции субъюнктива с точки зрения декодирования и кодирования.— В кн.: Грамматическая семантика. Горький, 1980.
32. Кузьменко Ю. К. Выражение маркированности у членов противопоставлений (P^1) — (P^2), (n^1) — (n^2) в датских диалектах.— В кн.: Лингвистические исследования. М., 1976, с. 104.
33. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М., 1929, с. 138.
34. Якубинский Л. П. О диалогической речи.— В кн.: Русская речь. Пг., 1923, с. 128, 146—150.
35. Дридзе Т. М. Семантический уровень как существенная характеристика речи.— В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 201.
36. Неевещицкая Е. И. Смысловое восприятие текста и семантическая сатиация.— В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976, с. 163.
37. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. О вариативности морфем.— В кн.: Сб. научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза, 1975, вып. 91.
38. Строева Т. В. Разрушение древнего «согласования времен» в сложном предложении в немецком языке.— В кн.: Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского. Л., 1973.
39. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л., 1980, с. 26—41.